

В средней полосе Сибири первые заморозки начинаются уже в конце августа. Утрами, пока солнце не обогреет землю, на зелёной листве деревьев, на поникшей от холода траве лежит нежный, лёгкий иней.

С этого времени начинают опадать цветы, сохнут травы и раскрашиваются во все цвета радуги бельники и осинники. Последние летние дожди проходят с ветром и бывают затяжные и надоедливые.

Но вслед за ними наступает ясный сентябрь. Земля пестра и походит на ковёр, что девушки в деревнях плетут из ситцевых разноцветных лоскутьев. В сентябрьские дни небо ещё синё и безоблачно, а в лесу уже сыро и попахивает прелью опавшей листвы.

Незаметная, но хлопотливая и суетная жизнь течёт в тайге в эти погожие дни и звёздные, гулкие ночи.

С глубоких озёр поднимаются караваны гусей, лебедей и уток и направляются в далёкий путь. Жалобно курлыча и повизгивая, как несмазанные колёса деревянной телеги, летят на юг длинные вереницы журавлей. Внизу, под ними, тянутся тысячевёрстные просторы земли, а выше плывут белые, как хлопья, облака и дуют ветры.

И в это же самое время, когда улетают залётные птицы и уходят пришлые звери, постоянные жители тайги ищут сытной зимовки. Хорошо, если год урожайный и косогоры краснеют от брусники, а ветки кедров сгибаются от тяжести крупных шишек. Но бывает часто и так: не везде, не во всех концах одинаково плодоносит тайга, и тогда в поисках зимних кормёжек начинается великое кочевье всего живого...

...Ранним утром ясного сентябрьского дня Матвей и дед Фишка отправились на охоту. Каждый год в эту пору они уходили с пасеки в глубь тайги, в кедрачи, к берегам речки Юксы. Уходили надолго, месяца на два, на три. Зимой на нартах они завозили к своему стану муку, сухари, соль. С собой несли только ружейные припасы, бельё, верхнюю одежду.

Охотники привыкли к Юксинской тайге, считали её своей собственностью, своим амбаром с добром.

К вечеру второго дня вышли на стан.

На крутом берегу, окружённая разлапистыми кедрками, стояла избушка. В десяти шагах от неё — навес из соснового дранья, под ним таган, закром для хранения кедрового ореха, барцы — чурки на длинных еловых шестах для шишкобоя, рыболовные снасти: морды, садки, венгеря.

За ночь охотники отдохнули, а утром разошлись в разные стороны. Осенью в тайге — как в страду на поле: день год кормит.

Урожай орехов и ягод в эту осень был редкостный. Тайга кишела зверьём и птицей.

Вернувшись на стан, Матвей и дед Фишка развели костёр, сели сушить одежду.

— Я сегодня, Матюша, аж в бельники слетал...— рассказывал дед Фишка.

Ссутулившись, он держал над костром портянку. Пламя освещало его. Ветер обдавал дымом. Дед Фишка морщился, кашлял, щурил маленькие хитрые глаза, шевеля мохнатыми бровями.

Матвей, подперев рукой голову, лежал на земле с другой стороны костра.

— В бельники? Далеконько ты сбегал... Сильно, поди, устал? — спросил он.

— Какой там устал! Ещё б пробежал столько!

— А меня сегодня сова напугала,— задумчиво проговорил Матвей и улыбнулся.

— Как так? — дед Фишка отбросил портянку и пересел с чурбака на землю.

— Под вечер иду берегом,— начал рассказывать Матвей,— слышу, кто-то в чаще щёлкает. Думаю: уж не волк ли?

Дед Фишка слушал с любопытством. С его лица, заросшего мягкими седеющими волосами, не сходила улыбка: старик знал, что будет над чем посмеяться,— уж не так робок был молодой охотник.

— Я остановился,— продолжал Матвей,— смотрю в чашу...

Из глубины тайги донеслось эхо выстрела. Собаки вскочили с тёплых, насиженных мест. Улыбки исчезли с лиц охотников. Они переглянулись с тревогой в глазах.

Матвей, приподнявшись, подставил ухо на ветер. Но выстрел не повторился. Собаки потоптались, зевнули, легли на прежнее место и свернулись в клубки.

Тайга шумела монотонно, скучно. Небо заволокло тучами. Крышу навеса долбил прямой, упругий дождь.

— Далёко где-то,— сказал Матвей.

— Надо отозваться, Матюша,— посоветовал дед Фишка.— Заблудился, видно, человек. А плутать сейчас в тайге — гиблое дело: не видно ни месяца, ни звёзд.

Матвей сходил в избушку за ружьём и выпалил вверх из обоих стволов раз за разом.

Собаки с визгом бросились в лес, но в ту же минуту вернулись, виновато поджав хвосты.

Выстрел навёл охотников на размышления. Ночью в тайге могли стрелять только в случае крайней нужды. Выстрелом кто-то взывал о помощи. Кто же? Кроме Матвея и деда Фишки, в юксинских кедрачах никто не бывал. Это знали охотники точно. Из года в год охотились они здесь одни.

— Теперь поджидай: вот-вот подойдёт,— сказал дед Фишка, набивая самосадам трубку.

Ждали они долго, глядели в темь леса, изредка перебра-сывались словами. Но собаки спали, не чуя приближения чужого человека.

Матвей поднялся.

— Надо в сушину поколотить, а то в такую-то темень и мимо можно пройти.

Он взял топор и обухом ударил в сухой кедр. Эхо подхватило гулкий стук и понесло по тайге, тревожа зверей и птиц.

Ждали ещё часа два, но никто не приходил.

— Охотники новые объявились,— сказал Матвей.

— Нет, Матюша, наверняка кто-нибудь заблудился. Сам посуди: зачем охотники стрелять будут ночью? Да и кто сюда пойдёт? Все знают, что тайга эта наша,— настаивал на своём дед Фишка.

Матвея клонило ко сну. Ночь была уже на второй половине.

— Иди, Матюша, спи, а придёт кто — я тебя разбужу,— предложил старик.

Матвей докурил сигарку, окурок бросил в костёр и ушёл в избушку.